

В душе Цзи Ло на миг поднялась буря противоречивых чувств, которая тут же утихла, сменившись полным штилем. Но как бы быстро принц ни обуздывал эмоции, Хан Сиэнь отчётливо слышал хаотичный поток его мыслей.

Он уловил и чужой испуг, и затаённую обиду с тревогой. Перед мысленным взором Сиэня промелькнула жуткая картина: агония человека, рухнувшего на сырую землю с пробитой стрелами грудью, его последнее, предсмертное отчаяние.

Сиэнь нашёл это весьма забавным. Способность читать чужие чувства проснулась в нём во второй раз — впервые это случилось в императорском дворце. Там всё дышало отчаянием и кровью, отчего его разум едва не помутился, спровоцировав вспышку гнева. Разумеется, ссора с тётёй, Добродетельной наложницей Хан Юнь, была разыграна по нотам, дабы привлечь внимание государя, однако чужие гнетущие эмоции тогда изрядно подпортили ему настроение.

Скрыв роящиеся в голове мысли, Сиэнь с невозмутимым видом вошёл в комнату и опустился на стул напротив Цзи Ло. Слуга бесшумно прикрыл за ним дверь, оставив троих мужчин наедине.

Бай Шу порывался что-то сказать Сиэню, но лишь беззвучно шевелил губами, не решаясь нарушить тишину. Переведя растерянный взгляд на Цзи Ло, он окончательно стушевался. Они не были знакомы. Бай Шу лишь ждал здесь своего старшего брата, Великого генерала Бай Вэньхана, в бронированном им кабинете, но когда пришёл, там уже сидел этот высокородный господин, так что им пришлось делить комнату на двоих.

Тем временем Цзи Ло внимательно изучал кузена, прикидывая, стоит ли осторожно прощупать почву и разузнать, что у того на уме.

Пока Цзи Ло колебался, Хан Сиэнь заговорил первым. Равнодушный голос заставил принца вздрогнуть:

— Зачем Третий принц приказал меня задержать? У Его Высочества какое-то дело к покорному слуге?

Тон его был обманчиво мягок, но для разговора с принцем — непозволительно дерзок. Впрочем, Цзи Ло, уже познавший бездну смерти и переродившийся заново, давно научился не разминиваться на мелкие обиды. Поразмыслив, он решил не лукавить:

— Я пришёл за вином и случайно увидел, как ты громишь Поместье Ли. Не думал, что государь поручит расследование по моему докладу именно тебе. И уж тем более не ожидал, что ты решишься на столь радикальные меры. Теперь ты нажил себе смертельных врагов.

«А характер у Сиэня ни капли не изменился, — думал Цзи Ло. — Всё такой же нетерпеливый и скорый на расправу. Но зачем отец втянул его в эту грязную игру? Ведь это верный способ

подставить парня под удар».

Доклад о взяточничестве Ли Юя и Ли Чжуна Цзи Ло подал лично. Он рассчитывал, что расследование доверят ему, и уже наметил план, как окончательно растоптать этот клан.

Семья Ли возглавляла Министерство чинов. Со стороны казалось, что они держатся в стороне от дворцовых интриг, но из-за родства с кланом Ши они давно превратились в опору его второго брата, Цзи Жуна.

Сейчас это скрыто от чужих глаз, но Цзи Ло прекрасно помнил будущее. Чиновники, которых продвигал Ли Чжун, казались образцом добродетели и клялись, что не вмешиваются в борьбу за трон.

На деле же большинство из них тайно поддерживали Цзи Жуна. Среди придворных редко встречаются праведники, ведь каждому хочется урвать кусок пожирнее, присягнув будущему императору.

Лишь восстав из мёртвых и сопоставив факты прошлой жизни, Цзи Ло наконец сумел разглядеть эту паутину. Подавать доклад самому было опрометчиво — этот шаг выдавал его нетерпение. Но у него, безвестного и обделённого отцовской лаской принца, пока не появилось преданных людей для тайных поручений. Приходилось действовать в одиночку.

К тому же должность министра чинов слишком важна. Судьбы всех государственных мужей Великой Чжоу зависели от росчерка пера Ли Чжуна.

Вернувшись в прошлое с твёрдым намерением взойти на престол, Цзи Ло понимал: нужно немедленно рубить ветви, на которых держится влияние брата. И плевать, если это до срока насторожит Вдовствующую императрицу и Цзи Жуна.

Но никто не мог предугадать вмешательства Хан Сиэня. В одно мгновение тот без лишних слов уничтожил клан Ли.

Вдовствующая императрица и Цзи Жун сейчас наверняка скрежещут зубами от ярости. Потерять контроль над одним из ключевых министерств — удар колоссальный. Посадить туда своего преданного человека стоит невероятных трудов, а Сиэнь разрушил всё одним махом.

Вдовствующая императрица славилась железной волей и коварством. Очнувшись после гибели, Цзи Ло долго ломал голову: почему из всех принцев она выбрала именно Цзи Жуна, одарив его абсолютной поддержкой?

Ответ лежал на поверхности. Старший брат, первый принц Цзи Фань, мечтал лишь о чарке доброго вина, сочном мясе да услужливых красавицах — бремя власти его не манило. Сам Цзи Ло не подходил: гибель его отца-супруга, Императорского благородного супруга Ван Ина, была

делом рук Вдовствующей императрицы, и, приди он к власти, клан Ши тут же лишился бы всех привилегий. Пятый принц, Цзи Хуай, тоже оставался не у дел. Его мать, Сянь-фэй, хоть и была спесива, для императрицы оставалась лишь пешкой в её играх.

Объяснение казалось упрощённым, но лучшего у него пока не было. Теперь Цзи Ло терзала лишь одна мысль: не решит ли императрица избавиться от Сиэня? С кузеном они никогда не были близки, но тот оставался Наследником герцога Хань и, как и сам Цзи Ло, приходился внуком старому маркизу Цзинго.

Будет гораздо лучше, если бразды правления кланом Хань останутся у Сиэня, а не у кого-то другого.

— Выходит, Третий принц задержал меня лишь для того, чтобы вывести настрой государя? — лениво поинтересовался Сиэнь.

Принц смешался, не успев подобрать слова, а Сиэнь ровным голосом добавил:

— Если так, то зря тратите время. Я вам ничего не скажу. Вот когда займёте трон — тогда и поговорим по-другому.

Сиэнь поднялся со стула и зевнул, прикрыв рот ладонью:

— Я сегодня встал ни свет ни заря, да и дела выдались утомительными. Прошу простить, но мне пора откланяться и вздремнуть.

Заметив, что Сиэнь уходит, Бай Шу тоже вскочил с места и шёпотом спросил:

— Хан Сиэнь, ты... злишься?

Бросив на парня мимолётный взгляд, Сиэнь хмыкнул и посмотрел на притихшего принца:

— Манера Его Высочества зазывать гостей оставляет желать лучшего. Радоваться тут нечему.

С этими словами он вышел, не оборачиваясь.

Бай Шу порывался броситься следом, но вовремя вспомнил об уговоре со старшим братом, Бай Вэньханем, и остался в комнате. Обернувшись к Цзи Ло, он растерянно захлопал глазами:

— И зачем вы его разозлили?

Принц почувствовал себя незаслуженно обиженным. «Какая же у кузена всё-таки бешеная натура», — мысленно вздохнул он. Однако последние слова Сиэня заставили его насторожиться. Слуга, которому он поручил передать приглашение, в прошлой жизни отличался преданностью и наверняка вёл себя предельно учтиво. Как же он умудрился досадить Сиэню? Или этот раб за его спиной ведёт двойную игру?

Разбираться в сомнениях Цзи Ло у Хан Сиэня не было ни малейшего желания. Он неторопливо возвращался в родное поместье. Стоило ему ступить на дорожку, ведущую к Двору Душистых Орхидей, как слуги при его приближении в панике бросились врассыпную, словно от чумного.

Сделав несколько шагов, Сиэнь резко застыл на месте. В его сознание ворвался шёпот чужих мыслей. Бегущие слуги тут же замерли, боясь пошевелиться под его тяжёлым взглядом.

Сиэнь недовольно нахмурился. Слуги суетились неспроста: близился день совершеннолетия одной из внебрачных дочерей его второго дяди, Хан Шу. Несмотря на скромное происхождение, отец в ней души не чаял, оттого и торжество готовили с небывалым размахом. Сама девица Сиэня мало интересовала, но это событие всколыхнуло в его памяти другое: через два месяца им с Хан Минчжу исполнялось пятнадцать лет. Его сестре тоже предстояло пройти обряд совершеннолетия.

В прошлой жизни его отношения с семьей не были столь натянутыми. К празднику Минчжу начали готовиться загодя — едва минуло две недели с её возвращения в столицу, как Клан Хань рассылал приглашения всей знати.

Тогда торжество вышло пышным и роскошным, наглядно демонстрируя благосклонность герцога Хан Чжоу и всего клана Хань к юной барышне. Теперь же они хранили гробовое молчание. Из мыслей пробежавших мимо служанок Сиэнь узнал, что Старая госпожа планирует внезапно слечь с недугом, дабы смазать праздник и обойтись скромным семейным ужином.

Самому Сиэню на эти условности было плевать, но в Великой Чжоу пятнадцатилетие для девушки означало пору сватовства. Он презирал эти нелепые порядки, однако Минчжу была заложницей устоев общества.

И в том, что она оказалась изгоем в собственном доме, была его вина. Развернувшись, Сиэнь стремительным шагом покинул поместье и направился напрямик к императорскому дворцу.

В прежней жизни, уничтожив клан Хань до основания, он всё же позаботился о сестре. Собрал богатое приданое, заручился поддержкой маркиза Цзинго и Цзи Ло, устроив её дальнейшую судьбу.

На этот раз он планировал прожить куда дольше, а значит, ломать Минчжу жизнь не собирался. Лучшим решением было получить благословение самого императора.

Когда Сиэнь прибыл во дворец, государь читал изъятые у Ли Чжуна письма, размышляя о сыновьях. Тайная стража уже донесла ему о встрече Третьего принца с Сиэнем. Впрочем, император понимал: Цзи Ло непричастен к делам клана Ли, иначе глупо было бы рубить сук,

на котором сидишь.

Пребывая в глубоких думах, государь велел впустить нежданного гостя, решив, что у Сиэня возникло неотложное дело.

Едва переступив порог Императорского кабинета, Сиэнь без лишних церемоний заговорил:

— Ваше Величество, моя младшая сестра недавно вернулась из приграничных земель и совсем не знает столицы. Скоро её совершеннолетие, но в поместье никто и пальцем не ударил ради подготовки. Нижайше прошу Вас даровать ей своё высочайшее благословение. С Вашим покровительством в будущем нам будет гораздо проще найти для неё достойную партию.

От столь наглой жалобы у императора слегка дёрнулся уголок губ. Сиэнь разве что прямо не заявил: «Отец и бабка нас ненавидят и спят и видят, как бы сбыть девчонку первому встречному негодяю. Защитите нас!»

Подумав о незавидном положении Сиэня, государь смягчился. Этот юноша ещё пригодится ему в делах империи. К тому же к герцогу Хан Чжо и всему его клану император питал стойкую неприязнь, так что разлад между отцом и сыном его лишь радовал. Однако сразу соглашаться не пристало. Сдвинув брови, государь притворно рассердился:

— Где это видано, чтобы старший брат выбивал благословение для сестры? У тебя есть отец и бабка, с какой стати ты забываешь себе голову женскими хлопотами?

Стоявший поодаль евнух Юань Бао понимающе улыбнулся и вмешался:

— Ваше Величество, Наследник и четвёртая барышня рождены одной матерью, их узы крепче обычного. Если говорить о почтенных матронах, чья благосклонность приносит счастье, у раба есть одна кандидатура на примете. Наверняка герцог Хань и сам почёл бы за честь пригласить её.

Государь с любопытством взглянул на слугу:

— Ишь ты, старый лис, и в этом толк знаешь? Ну говори, кто это?

Евнух расплылся в улыбке:

— Речь о супруге уездного князя Юна. По чистому совпадению, слуги Императрицы только что донесли, что княгиня сейчас гостит у Её Величества и останется на обед.

Сиэнь, не теряя времени, тут же склонился в благодарственном поклоне перед государём.

Император перевёл взгляд с Юань Бао на Сиэня, шумно вздохнул и покачал головой:

— И ты примчался во дворец только ради девичьих посиделок?

— Именно так, — невозмутимо подтвердил Сизнь.

Государь смерил его строгим взглядом:

— И по дороге сюда ты ни с кем не встречался? Никаких глупостей не натворил?

Сизнь призадумался, а затем, словно вспомнив пустяк, кивнул:

— Ах, Вы о Третьем принце, который преградил мне путь на улице? Всё верно, Ваше Величество. Его Высочество проявил навязчивую заботу. Сказал, что сам подал доклад и планировал провести обычное следствие, а я, мол, устроил погром. Спрашивал, не прогневал ли я Вас. По-моему, принц чертовски прав: кашу заварил он, а под удар подставил меня. Меня это разозлило, и я, не пожелав тратить время на пустые разговоры, ушёл.

— Разозлил? Он тебя раздражает? — опешил император от подобной наглости. — Пусть кашу заварил Цзи Ло, а ты полез напролом, но он всё-таки мой сын! И ты смеешь воротить от него нос?

Сизнь со вздохом парировал:

— Вы сами приказали мне не лгать, Ваше Величество. А теперь сердитесь из-за моей честности.

Император поперхнулся воздухом от такого бесстыдства. Решив, что спорить с этим наглецом вредно для здоровья, он устало махнул рукой, выставляя его прочь.

Сизнь почтительно поклонился и покинул Императорский кабинет.

Проводив его взглядом, государь сделал глоток остывшего чая, пытаясь унять раздражение:

— Как думаешь, Юань Бао, между Сизнем и Третьим действительно нет сговора?

Евнух мягко улыбнулся:

— Ваше Величество, раб не смеет утверждать наверняка. Однако Третий принц всегда держался особняком. Не отправь Вы его навестить захворавшего Наследника Хань, они бы и вовсе едва ли знали друг друга.

Юань Бао прекрасно ведал, что чувства императора к Цзи Ло запутаны: любви к сыну он не питал, но и желать ему скорой гибели не хотел. Впрочем, государь и сам это понимал — ему лишь требовалось услышать подтверждение своим мыслям.

Тревога мало-помалу улеглась. Император вновь углубился в чтение писем, разложенных на столе:

— Этот Сизнь... вечно подкидывает мне заботы.

Евнух оставил замечание без ответа, смиренно опустив веки и всем своим видом излучая благообразие. Не дождавшись реплики, государь небрежно бросил письма на стол:

— Что слышно из Верховного суда и Министерства юстиции? Есть подвижки?

— Ваше Величество, Ли Юй уже раскололся и во всём сознался, — отчеканил Юань Бао. — А вот его отец, Ли Чжун, упрямится. Его подвергли допросу с пристрастием, так что заговорит со дня на день. Доклады от Главы Верховного суда и министра юстиции уже подготовлены. Как Вы и велели, раб держит руку на пульсе.

Государь нахмурился, его голос зазвучал леденяще остро:

— Какой он теперь господин? Обыкновенный преступник. О похищенном серебре Ли Чжун расскажет без утайки. Меня больше интересует имя принца, упомянутого в его переписке. Пусть делом займётся Управление дворцовых слуг.

— Слушаюсь, — отозвался Юань Бао и, поколебавшись, добавил: — Маркиз Ши сегодня нанёс визит Вдовствующей императрице, после чего поспешил к Верховному суду. Он требует расторгнуть брак уездной княжны с Ли Юем, но судьи без Вашего прямого указания не решились впустить его к невестке.

Император недовольно поморщился. Перспектива выслушивать жалобы и слёзы старого маркиза Ши у него вызвала лишь глухое раздражение.

— Раз уж эту кашу заварил Хан Сизнь, пусть сам её и расхлёбывает. Отправь его завтра в Верховный суд — пусть помогает Управлению дворцовых слуг с допросами.

<http://bllate.org/book/20088/2001993>